

АНДРЕЙ ПОЛОЖЕНЦЕВ

Философ, писатель

Родился в посёлке Первомайский Оренбургской области в 1966 году. Закончил философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета в 1991 году и факультет этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2004 году. Кандидат философских наук. Преподаёт на кафедре этики философского факультета СПбГУ. Область научных интересов — социальная этика, этнология, философия науки, социальная антропология современности. Предметом его исследований являются сакральные феномены новоевропейской мысли: субъект, власть, разум, деньги. Первым результатом исследования стала книга «По лицу бездны»,

выпущенная в 2007 году издательством «Алетейя».

«ГРЯЗНЫМИ ОСТАНУТСЯ ТОЛЬКО ТВОИ МЫСЛИ...»

Когда-нибудь, определяя суть нашей эпохи и культуры, будущий историк не найдёт для неё более точного признака, чем патологическая страсть к чистоте. Многие другие феномены покажутся ему вторичными и зависимыми от этой патологии. Конечно, оппозиция *чистое/нечистое* как вариант оппозиции *своё/чужое* является внутренним определителем любой культуры. Чужак всегда нечист¹. Но европеец чист метафизически, то есть *в принципе*, изначально. Это его *архэ*. И, как и всякая патология (а *пáθος* — это всегда прикосание к началам²), эта также вполне рационализована. Все прекрасно знают, что рационализация любой патологии есть мифология. А всякая мифология лишь тогда чего-нибудь стоит, когда умеет скрыть свою мифичность (по крайней мере, именно так работает с мифом не только Платон, но и Ролан Барт).

Рационализируется чистота в нашу мыльную эпоху через гигиену. Высокая культура постоянно подвергается агрессии со стороны инородных культур — вирусных или примитивных. Если учесть, что стихия, на которую возлагается миссия очистки мира, — это вода, то становится очевидной (по крайней мере для любого знакомого с научной формой рационализации, а значит, точно для любого) символичность подобного очищения: вода, метафизический источник очищения, является одновременно физическим источником грязи и заразы. Как раз водой очиститься невозможно³.

¹ Даже антропологу не всегда удаётся относиться к чистоте как к только культурному феномену. Так, для Мери Дуглас индусы, а для Д. К. Зеленина украинцы — всё-таки грязнули.

² Более точно — прикосновение к божественному, сакральному и трансцендентному. Для Вячеслава Иванова *пáθος* именно такого рода лежит в основе греческих героических культов. См.: «Дионис и прадионисийство», «Эллинская религия страдающего бога» (*// Эсхил. Трагедии*. М.: «Наука», 1989. С. 307–350).

³ «Гигиена» традиционной культуры весьма условна. Когда нет воды, руки перед молитвой следует умыть землёй. Пищу по-настоящему очищает не вода, а молитва (нечистая пища

«Живая» вода сама нуждается в очистке (хлорировании, фильтрации и т. п.). Без очистки (которая, как раз наоборот, загрязняет воду как символ и как стихию, — и тогда вода непригодна для ритуала) это бульон из микроорганизмов, постоянно порождающий новые формы жизни, а точнее — грязи. Так что очевидно, что подобный вид гигиены ничем не рациональнее любого другого ритуального очищения. Например, коровьей мочой.

Опасность этой культуре видится и со стороны «примитивных» культур, которые, конечно, перед тем как войти в прямой контакт с западной цивилизацией, должны пройти физическую и интеллектуальную дезинфекцию. «Мир есть грязь», — такова метафизика и религия этого типа мышления. И видимо, этот «пунктик» является родовым местом метафизики платонизма, прародительницы всякой метафизики⁴.

На этой патологии паразитирует значительная часть современной культуры и цивилизации: целые отрасли промышленности и масс-медиа кормятся из этого корыта. Чистота подобна заразе: её пандемическое распространение тотально в своей интенции. В рекламном ролике одного известного стирального порошка актёр⁵, сросшийся со своим новым ампула до такой степени, что все уже давно забыли его прежние заслуги, за которые он, собственно, и был удостоен чести пожизненно сниматься

не та, что приготовлена без соблюдения «санитарных норм», а та, что имела контакты с существами других миров — чертями, иноверцами, иностранцами и пр.): *«Вот ена у нявидимых была три года, оны яе водили [слово водить здесь означает заблудиться в лесу, попасть к лешим и чертям, которые принимают заблудшего человека (по законам жанра это девочка, которую затем выдают замуж за лешего) в свою компанию и оказывают ему свойственное им гостеприимство — А. П.]. Где оны бегают, там яе водили за собой. Говорить: — Вот где похороны [со священником и молитвой]... — нельзя нам сесть за стол! А где, — говорить, — пьяныи, так за стол садятца, не бывает ни службы, ни молитвы, вот мы там прибяжим, все съядим, что подають на стол (вот оны как кормятца, нявидимыи!) а туды насерим, нассым в чашки. Люди ядут, зато, — говорить, — и блюють!»* (Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963–1999 гг. СПб., 2001. С. 323).

⁴ Истина у отца этой метафизики достигается не рядом умозаключений, а серией очищений, важнейшим из которых будет очищение от тела: «...достигнуть чистого знания чего бы то ни было мы не можем иначе как отрешившись от тела <...> Тогда, конечно, у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюблённых, а именно разум, но только после смерти, при жизни же — никоим образом <...> А пока мы живы, мы тогда, по-видимому, будем ближе всего к знанию, когда как можно больше ограничим свою связь с телом и не будем заражены его природою, но сохраним себя в чистоте до той поры, пока сам бог нас не освободит. Очитившись таким образом и избавившись от безрассудства тела, мы, по всей вероятности, объединимся с другими, такими же, как и мы, [чистыми сущностями] и собственными силами познаем всё чистое, а это, скорее всего, и есть истина [курсив мой. — А. П.]. А нечистому касаться чистого не дозволено» (Платон. Федон. 66d–67b).

⁵ Ещё одна характерная черта мифологии рекламы: за работу по очистке мира от грязи теперь берутся мужчины. Вряд ли это вызвано проблемой сексуальной толерантности. Этим должна быть подчёркнута демиургическая (правильнее — деструктивная) функция очищения. Стирка белья так и остаётся женским делом. Мужчина берёт на себя более фундаментальную работу: символическую. Рекламный образ группы молодых и сильных мужчин, заключённых, как в тюрьме, в утробе стиральной машины, где они упоительно-деловито стирают и выжимают бельё, демонстрирует истинную сущность стирки как дела серьёзного, которое нельзя поручить женщине. Женщина в своём символическом нутре остаётся существом нечистым.

в рекламе, в белом костюме и на белом самолёте летает по миру в поисках грязи. Его девиз: «найти и обезгрязить». Где он пролетает, все вещи становятся «не просто белыми, а *идеально* белыми»⁶. Эта мания (а это — мания) имеет космологические истоки: именно белым, согласно одному чукотскому космологическому мифу (*таттомгаткэн пынылыты*, «вестям о началах творения»), мир был сразу после его создания — до тех пор, пока Ворон его не раскрасил (кстати, сам Ворон стал чёрным из-за того, что сова, которую он попросил раскрасить его, переусердствовала, создавая на его перьях слишком сложный рисунок). Точнее, истоки не космологические, а эсхатологические. Очищение здесь призвано исполнить основной закон семиотической термодинамики: когда весь мир станет идеально белым, он прекратит своё существование. Вместе с грязью исчезнет и различие — белые вещи станут одной Вещью. Страсть к чистоте апокалиптична. И, что не менее интересно, — выгодна. Апокалипсис для капитала — мощный спекулятивный ресурс, который он использует, если верить Шпенглеру, по меньшей мере с 1600 года. А через апокалиптичность чистоты проясняется и её патологичность. Именно патологическое сознание во всём различает симптомы Апокалипсиса. Капитал под маской производства «идеальных» товаров на деле озабочен производством «конца света».

Эпидемия чистоты накрывает Землю целыми странами; марка мыла или шампуня давно стала частью Identity членов группы «цивилизованных государств». Безо всяких преувеличений пароксизм чистоты можно назвать одним из фундаментальных феноменов, который очерчивает гештальт современной цивилизации. Метафизика гигиенического фантазма прикрыта естественнонаучной мифологией, однако легко эксплицируется сакральной антропологией⁷. И эта метафизика — не самая приятная из известных.

В первую очередь эта метафизика постулирует топологию грязи: скверна не внутри, а вне человека⁸. Экстериоризация грязи сопровождается одновременной интериоризацией психического. То есть источник скверны хоть и вне, как вне, например, бесы — источник грязи (духовной)

⁶ Идеальность мира рекламы требует отдельного разговора. Мир, который создаётся рекламой, есть мир победившего платонизма. Он наполнен эйдосами совершенств. Здесь воплощены «чистота как таковая», «само совершенство», «идеальные формы», «максимальная свежесть» и т. п. Реклама предлагает нам в качестве товара вещи предельные. Но и эта предельность неустанно революционизируется и совершенствуется. «Идеальность» в её традиционном метафизическом смысле не в силах адекватно отразить возможности современных технологий и трансцендентных по своей сути требований и запросов человека потребляющего. Воплощённая («протяжённая») субстанция всегда оказывается более совершенной, чем мыслимая.

⁷ Здесь имеется в виду именно (и только) тот проект «сакральной социологии», который разрабатывался Батаем, Кайуа, Лейрисом и др. под маркой «Коллеж Социологии».

⁸ Для этой метафизики дикарь, съедающий кусок мыла, чтобы отмыть своё сердце, находится за пределами рациональности. И не потому, что мыло не сможет смыть «языческую» грязь с его сердца, и даже не потому, что он полагает сердце существующим в одном онтическом поле с мылом, а потому, что полагает грязь феноменом духовным.

для средневекового монаха, — но находится в иной онтической области: в сфере «материального», а не «духовного». Человек вместе со своим духом такой метафизикой исключается из сферы супранатурального духа. Психическое «интериоризирующего» человека — всегда *его* психическое и ничьё более. Отчуждение духа — в лучшем случае болезнь. Тогда как психическое «экстериоризирующих» культур зачастую находится за пределами воли субъекта⁹. Следует уточнить, что вопрос о соотношении души и тела в иных метафизических системах затёрт концептуальным аппаратом антропологии конца XIX — начала XX веков: позитивистский европоцентризм полагает, что в индоевропейских языках дана настоящая «сетка реальности» (именно в этом Хайдеггер видит метафизическое родство греческого и немецкого языков; только эти языки будут «домом бытия»). Иными словами, душа существует, только по-разному называется. Но тогда с языка *нганасан*, например, словом «душа» начинают переводить слово, которое будет означать всё, что угодно, — *глаза, сердце, кровь, дыхание, ум, мысль, тень*¹⁰, — что угодно, но только не душу.

Формально обе метафизики психического равноправны, и одинаково обоснованно постулировать как положение «дух внутри», так и положение «дух вовне»¹¹. Главное, чтобы обе эти метафизики понимали, о чём идёт речь, когда произносится слово «дух». Если интериоризирующая метафизика постулирует положение, что дух пребывает внутри человека, то этому «человеку» стоит призадуматься о том, что за дух овладел им и не он ли выстраивает эту метафизику. Однако нас будет интересовать всё, что выходит за рамки голой формы. А фундаментальное отличие этих метафизик лежит именно в противоположной экспликации чистоты как социальной и духовной практики. Интериоризация и экстериоризация духа предполагают и обратную инверсию оси *чистое — нечистое*.

Г. Башляр уточняет слова Э. Тайлора («*Кафры*, омывающие себя ради очищения от условной грязи, в обыденной жизни никогда не моются»¹²):

⁹ Примеров тому можно приводить бесчисленное количество. Будет достаточно указать на Первую песнь Илиады, где конфликт между Агамемноном и Ахиллесом разыгрывается и как конфликт между богами, причём некоторые качества характеров героев (например, храбрость Ахиллеса) расцениваются как дар богов, а не как личное достоинство.

¹⁰ *Грачева Г. Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983. С. 57–58. Эванс-Причард сильно сомневался в возможности перевести понятие «Бог» на языки многих народов, с которыми «работают» миссионеры (например: *Эванс-Причард Э. Э.* Теория примитивной религии. М., 2004. С. 14.). С теологическими или религиоведческими концепциями дело обстоит ещё хуже: «Если согласиться с Фрейдом [а в данном случае его концепция является если не богословской в узком смысле слова, то уж точно религиоведческой. — А. П.] и рассматривать Бога как идеализированную и сублимированную проекцию отца, то необходимо продемонстрировать, что образы божеств варьируются в зависимости от того места, которое занимают отцы в семьях обществ различных типов» (*там же*. С. 17). Другими словами, остаётся открытым вопрос: возможен ли эдипов комплекс у *тробрианцев*?

¹¹ Переводя проблему в поле истории европейской метафизики, нужно заметить, что именно с интериоризацией духа связано появление понятия «чистое мышление» или «чистый разум».

¹² У Тайлора в русском переводе эта фраза дана менее «гигиенично»: «*Кафры* моются ради ритуального очищения, но не имеют обычая мыться ради опрятности или мыть свою

«кафр моет своё тело лишь тогда, когда грязна его душа»¹³. Зеркально перевёрнутым по смыслу окажется вынесенный в заглавие этой статьи слоган рекламы геля для душа «Ахе effect»: «Грязными останутся только твои мысли». Здесь включена совсем другая стратагема: не очищать душу через плоть (что бы ни подразумевалось под обоими терминами), а пачкать свой дух, очищая тело. Этот вид грязи (ментальный, а также связанный с сексуальностью, — ведь именно сексуальность, причём особого рода, для обозначения которой Фуко использовал термин *aphrodisia*, подразумевается здесь под «грязными мыслями») не считается осквернением ни тела, ни души. Грязь здесь — желаемый результат, которого ещё предстоит добиться. Возможность испачкаться здесь покупается вместе с гелем для душа или дезодорантом¹⁴. Есть грязь, которую следует уничтожать (физиологические признаки человеческого и живого), и есть грязь, которая является важным социальным ресурсом (грязь, которая связана с самой сущностью не только разума, но и духа). Эта та грязь, которая станет доступной только когда у тебя идеально чистое тело. Если *кафр* моется, чтобы очистить душу, то «европеец» (который теперь вполне может оказаться и *кафром*) — чтобы её осквернить. «Что же ты лицо моешь, а помыслы твои грязны?» — на такие слова св. Иоанна Златоуста герой этой рекламы рассмеётся: именно *для этого!*

посуду (труд очищения молочных кувшинов с ними разделяют собаки или тараканы)». (Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989. С. 497).

¹³ Башляр Г. Вода и грёзы. Опыт о воображении материи. М., 1998. С. 197.

¹⁴ Омовение с помощью моющих средств и традиционное мышление расценивает как осквернение; *мыло* — устойчивый элемент погребальной обрядности. Можно вспомнить русских староверов, которые считают, что мыться мылом — грех (Зеленин Д. К. Описание рукописей Учёного архива РГО. Пг., 1914–1916. Вып. II. С. 844); в русской деревне мылом вымытая посуда будет считаться опоганенной, а выстиранное с мылом бельё — нечистым (Его же. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 280). Особо нечистым (и вследствие этого особо ценным) считается мыло, которым обмывали покойника. Его нужно либо захоронить (например, вместе с покойником), либо хранить вне жилого места. Его следует использовать в магических целях, например в качестве лекарственного средства: «Мылом тем, которым моют покойника [лечат]. То мыло не выбрасывают и домой не заносят. [Его хранят] в предбаннике или в сарайчике — домой не заносят. Что болит, помыть» [Электронная версия фольклорного архива Лаборатории фольклора РГГУ «Традиционная культура Русского Севера (Каргополье)» № 6980; № обозначает порядковый номер архивной записи. Далее: Каргополье №]); берега в суде: «А мыло это, вот суд будет, да-к с собой. В карман положишь, вот и теперь да-к оно пойдёт. Возьмёшь и вот надо говорить слова-то: „Это мыло мертвецко тело мыло. Как покойного тело остывает, так это дело остынь. Отныне довеку, аминь“. В карман положишь да на суде-то и говори» (Там же, № 9956). Болгарское обозначение мыла *сапун*, образованное от турецкого *sabun* (*sapun*), в свою очередь заимствованное из новогреческого (*σαπονι*), восходит к древнегреческому *σῆπις* — «привожу в состояние гниения», «подвергаю порче». Русское *мыть* образуется от индоевропейского корня **meu-*, от которого происходят также древнеиндийское *mūtram* — «моча» (то же значение имеет и ирландское *min*), авестийское *mūdrem* — «нечистота, грязь» (см. соответствующие статьи в этимологических словарях М. Фасмера и П. Я. Черных). Традиционная логика здесь довольно прозрачна: очищаться следует той же субстанцией, которой осквернился. Здесь же следует отметить устойчивое традиционное представление о технологии приготовления мыла из животного жира и костей.

Оппозиция *чистое тело/грязные мысли* — структурная. Грязные мысли при чистом теле легитимны (но, например, «чистая кровь» предполагает грязные мысли с необходимостью). Чистота такая — попытка обмануть богов, сделать «свой» грязный дух неподконтрольным, исключить себя из сферы сущего и обрести невинность под стать невинности явлений природы, какими их представляет себе новая наука. Такой «дух» не может быть виновен, так как он «ничего не сделал». Мир осознанных решений и поступков остался по ту сторону тонкой мыльной плёнки. И — здесь как никогда прав материализм — такой дух не в силах стать причиной и началом своего мира. Ведь этот дух мёртв, — по крайней мере, именно это утверждает ритуальная семиотика. Его тело омыто и привито, с него удалены все признаки жизни, оно доведено до совершенства, метаболизм остановлен на уровне двадцатилетней особи, но наука — поистине могильщица, наследница египетских мумификаторов! — всем своим искусством — конечно, не умирать, а хоронить, — не допустит ни малейшего знака смерти в это тело: *краше только в гроб кладут*. От этого тела не пахнет ни русским, ни английским, да и никаким вообще духом. Современная индустрия духов призвана изводить запах человеческого: цивилизованное существо не должно испускать запахов животного, естественного происхождения. Дезодорант без запаха на современном рынке — явление более чем логичное. Каждому фольклористу известно, что именно от обоняния запаха живых мёртвые испытывают омерзение (как и наоборот)¹⁵. Обоняние — основной орган восприятия бестелесных дхов. Поэтому с ритуальной точки зрения озабоченность чистотой тела является попыткой одурочить духов, выдавая себя за мертвеца.

Следует признать, что эта попытка является вполне удачной с точки зрения ритуальной онтологии. Степень невинности идеально вымытого человека даже превосходит невинность объектов природных. Его личина смыта дочи́ста, он весь — знак. Он вне сферы контроля со стороны трансцендентного, подобно тому как вне сферы ответственности перед богами лежит слово письменное (письмо в обрядах используется с конспиративными целями: предполагается, что боги не умеют читать). Теперь он — «сущее среди сущего», а не дух среди дхов; означающее без означаемого; носитель, для которого нет считывающего устройства. Духи его не могут обонять, видеть и слышать; он ускользнул от них, став буквой, воплощённой

¹⁵ Ещё один устойчивый символ «Запад — страна мёртвых» в конце XIX века переключивается в философию истории и становится дежурным мотивом культурологических и историсофских моделей. Уже у Данилевского ясно просматривается «Закат Европы». У его товарища-петрашевца Достоевского Иван Карамазов, собираясь поехать в Европу, говорит, что поедет «на самое, на самое дорогое кладбище». А Свидригайлов перед тем, как пустить пулю себе в висок, просит передать, «что поехал, дескать, в Америку». Им вторит Ницше, изнутри Европы унюхавший запах мертвечины: «Я не выношу больше этого! Скверный воздух! Скверный воздух! Эта мастерская, где фабрикуются идеалы, — мне кажется, она вся провоняла ложью». Сам Заратуштра, безусловно (как, например, и баба Яга, а не только Дионис), — психопомп, проводник в царство мёртвых, которому ненавистен запах живого человека: «Накопец мой нос избавился от всякого запаха человеческого существа!»

лишь внутри книги, которую никто и не собирается открывать. Он переселился на другой уровень бытия. Умывание — основное действие по работе создания из себя сложной знаковой системы. Умывание не имеет ничего общего с чистотой. И всё же чистота немыслима без умывания.

Именно теперь, когда человек потерял своё лицо, превратив его в знак, возникает реальная потребность в индивидуализации, столь актуальная для современности. Умывание и косметология служат именно этой цели. Лозунг «стань собой» в разных вариациях сопровождает рекламу атрибутов мыльной цивилизации. Однако эта индивидуальность достигается только через стандартизацию. Ибо дефицит производства личности является своеобразным ускорителем для производства массового. Европейский тип производства личности предполагает культивацию сложных уникальных систем с открытым потребительским кредитом, нацеленным на индивидуальное потребление самого себя. Раскрытие собственной уникальности должно осуществляться через усложняющуюся систему потребностей. Производится личность, которой в первую очередь недостаёт самой себя. Постоянный поиск собственной уникальности обеспечивает новый темп циркуляции капитала, который недоступен массовому производству. Именно поэтому производство массовое безо всякого ущерба и сожаления отдано Европой на откуп Китаю. В Европе капитал занят более ликвидными операциями, которые навсегда избавят мировую экономику от кризисов перепроизводства. Здесь капитал производит особую личность, чёрную дыру потребления.

Но это лишь одна сторона дела. Очищение как действие символическое задаёт новые онтологические перспективы в первую очередь для метафизики. А здесь ось *чистое – нечистое* (продолжением которой будут оппозиции концептуального аппарата этнологии *своё – чужое, сакральное – профанное, добро – зло* и т. п.) является второстепенной, она лишь перекодирует в старые символы новую онтологию, которую выстраивает новый тип ритуальных действий. Что стоит за этими действиями? Что же всё-таки мы делаем, когда моемся?

Для начала стоит обратиться к этимологии. Концепт «чистоты» этимологически связан с умыванием в последнюю очередь. Древнерусское слово *чистъ, чистый* означает «открытый», «редкий, без зарослей (лес)» (русское *чистота* имеет значение «поляна», «открытое место, свободное от зарослей»), «свободный от обязательств», «священный» и восходит к общеславянскому **čestiti* (отсюда и церковнославянское русского извода *чѣстило*, «жертвенник»); индоевропейская база образована от корня **skēi-* — «резать», *«отсекать», *«отделять (ненужное)», то есть «очищать». Русское *чистить* родственно древнеиндийскому *chinátti*, греческому *σχίζω*, латинскому *scindō* «разделяю», «отрезаю». Так, болгарское *чистя* значит «истребляю», «уничтожаю», украинское *чистити* — «бить», «колотить», словенское *čist* значит «бритый», «безбородый» (и диалектное «жидкий»), а *čistiti* помимо «очищать» и «про-

реживать лес» имеет значение «оскоплять» (то же значение имеет русское *чистить*, например: *чистить жеребца*; см. статью *чистить* в словаре Даля). *Чистый* имеет ряд устойчивых ассоциаций с оскоплением и вообще относится не в последнюю очередь к области генитальной и генеалогической «чистоты» (не *чистоты происхождения*, а чистоты как отсутствия способности к воспроизводству¹⁶). В нижнелужицком языке *cysty* значит «ясный», «светлый», «непорочный»; в украинском *чистило* — «placenta», «детский послед»; в русском *очисток* — коровий послед¹⁷; в диалекте чешского языка *čistidlo* — «выделения у животных после родов», а *vejce čistuj* (там же) — «пустое, без зародыша яйцо»; то же значение имеет сербохорватское *чистац*. Родственные значения имеют и образования в других индоевропейских языках: литовское *skýstas* — «жидкий», «редкий»; латышское *šķīsts* — «жидкий», «чистый», «целомудренный»; немецкое *scheißen* — «испражняться»; древнеиндийское *chidrah* — «просверленный», «продырявленный»; и даже исландское *hit* — «кожаный мешок»¹⁸.

Какой бы путь мы ни избрали — метафизический, семиотический или этимологический, — очищение уводит нас в сторону от рациональности, которую мы привычно придаём этому действию. Чистота — один из определяющих признаков сакрального и чудесного. Правда, не следует забывать о современной инверсии сакрального. Морализирующие антропологи начала XX века будут говорить о разволшебствовании мира, о профанации и секуляризации современности. «Когда-то умывался только священник перед жертвоприношением, теперь это делают все». Действие осталось, смысл его забыт или девальвирован. Жорж Батай определял современное общество как такое, в котором сакральное исчезает. Но: в современном обществе сага не исчезает, а впервые становится предметом непосредственного служения! Во-первых, чистота не потеряла своей сакральности, а во-вторых, теперь мы практикуем принципиально иную

¹⁶ Требование в интересах ритуальной чистоты для пастухов полового воздержания (пастух, как известно, пасёт стадо вместе с лешим, заключая с ним письменный договор на каждый сезон) может оформиться в представление об их скопчестве: «В баню обязательно [т. е. в баню пастуху можно было ходить]. Вот стричься... не стригутся и не бреются. Ягоды-то они собирают. Там какие положено ягоды, какие не положено... [Ветки можно ломать?] Нельзя вообще ничего. А с женой — не знаю, как они соблюдали. А нельзя, то же самое. Они же холостяки <нрзб.> бывают. Кастрированы» (Каргополье № 3435). Сосланные в Закавказье скопцы так толковали известное событие из Евангелия: «Относительно того, что Христос умыл ноги ученикам своим, эти еретики поясняют, что это значит: Христос оскопил своих учеников». (Толстой В. С. О великороссийских беспоповских расколах в Закавказье // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1864. Кн. 4 (октябрь — декабрь). Отд. V. С. 64).

¹⁷ «Вот корова отелится да очистится, да-к очисток [послед] кляи в сырое место. [Этим очистком обтирали корову после отёла]. Каргополье № 3298.

¹⁸ См. соответствующие статьи: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1996. Т. 4. С. 366 и сл.; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 391; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 4. М., 1977. С. 119–120.

чистоту. Чистота осталась признаком сасра, подвергся инверсии на прямо противоположный именно объект сакрализации. Не «сасра профанируется», а «скверна сакрализуется». Религия не забыта, просто сама обыденность стала нашей религией. Правда, обыденность — только код для скрытия имён своих истинных богов. Повседневность — способ незаметно работать на дьявола. И очищение, бесспорно, — часть этой работы. И рассуждения о «гигиене», «целесообразности», «секуляризации» и пр. в этом контексте как нельзя более уместны. Повседневность, «мир» засасывает. Но очевидность этого не требует назойливого прояснения. Да, «работать» теперь — служить ведомо кому; да, продать душу неизвестно за что означает — «хорошо устроиться в жизни». Но почему бы тогда не окунуться в грязь, в родную стихию скверны по уши? Зачем мыть волосы и руки? Почему белые зубы являются пропуском в этот «сантехнический рай»?

Потому что очищение есть путь в мир мёртвых. Все указанные процедуры ритуалом в первую очередь применяются к *бродячим* покойникам. Физическая чистота для традиционного мышления является устойчивым признаком мертвеца и смерти¹⁹ (стоит ли напоминать, что погребальный код будет присутствовать в любом обряде перехода?). Причем, как показывает этимология концепта чистоты, омовение — лишь *один из* способов очищения. Как правило, применяются и более надёжные: *чистить* — значит отсекают, скопить, обрезать, бить, дырывать, брить и пр. Вся эта космология предназначена для мертвецов (или является реликтом жертвоприношения²⁰).

Культурная антропология собрала огромный материал по этой теме, даже касаться которого здесь не следует именно по этой причине. Покойников боялись многие культуры (но не все!), и все они имели собственные средства защиты от вторжений со стороны мира мёртвых. Но нас интересует именно наша культура. От кого она защищается, требуя от нас чёткого соблюдения ритуалов очищения? Вывод шокирует: от живых. Под знаком чистоты происходит планетарного масштаба переселение всё новых и новых государств и культур в мир иной, в мир чудесного, в мир мёртвых. Именно сакральные персонажи не переносят грязи, знака живого²¹. Символ грязи будет присутствовать в представлениях и ритуа-

¹⁹ См. напр.: *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 106. «Строгая ритуальная предписанность омовения [трупа. — А. П.] заставляет усомниться в обычной его трактовке как простого очищения. Если это и очищение, то оно, скорее всего, было направлено на уничтожение признаков, качеств, собственных живым людям (того, что в сказке описывается словами „русским духом пахнет“ — т. е. живым человеком). Другими словами, в последнем омовении смывалась жизненная „аура“ человека» (Там же).

²⁰ *Топоров В. Н.* Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы)//Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. М., 1993. С. 3–103.

²¹ Утром умываться нужно потому, что во сне человек соприкасается с миром мёртвых: «Надо утром вставать — хоть век не мойся, а чтоб ладошки водой были сполоснуты. [Утром?] Утром. Ты хоть век не мойся, а чтоб в первую очередь ладошки сполоснуть, шоп там, там кто-то наплё-

лах, связанных с жизнью. Можно привести множество примеров из различных культур о возникновении людей и животных из какого-либо вида нечистот (часто божественного происхождения), грязи, пыли. С помощью грязных вещей устанавливается ритуальная связь с детьми, родственниками, больными.

Рассматривать чистоту вне ритуальных форм неудобно. Религиозность современного общества стала его бессознательной формой. Поэтому современный человек более религиозен, чем «шаман» или монах, так как его религия уже не является предметом какого-либо выбора, свободного или принудительного. При этом под «религией», которую человеку теперь предлагается исповедовать в качестве сознательно избранной, ему навязываются лишь идеологические суррогаты религий — всех без исключения. Христианство, мусульманство, буддизм, иудаизм, неоязычество в этом обществе призваны лишь скрывать имена тех богов, которым оно служит. Мы по-настоящему столкнёмся с современной религией не тогда, когда заглянем в современный храм, а когда увидим «домашний алтарь» современного человека, его «святая святых». Это трельяж и холодильник. Душевая и ватерклозет. Или то, что он прячет на своей груди как самый ценный амулет: портмоне, битком набитое магическими предметами. Религия не есть правила обращения с богами, религия — это правила обращения с предметами культа, с наиважнейшим. Дело не в том, что «боги ушли», а в том, что мы служим неведомо кому, и даже неведомо нам, что мы служим. Кто-то прочно занял место богов. Этот «кто-то» смотрит на нас из зеркала и заставляет верить, что он — это мы.

Религия давно потеряла тот благообразный вид блюстительницы нравственности, в каком пытался представить её Кант. Согласно мысли Канта, все религии были призваны в той или иной мере воплощать категорический императив, то есть были проводниками «общечеловеческих ценностей». Религия теперь — одна из самых опасных сфер человеческого бытия. Религия давно показала, что мораль — дело для неё если не последнее, то предпоследнее. Быть может — вовсе и не её дело.

Религия здесь, в ванной комнате, — метафизика сверхъестественного и вытекающие из неё правила служения этому сверхъестественному. Нам известны последние, но неизвестно — кому мы служим, когда «начищаем» своё лицо. Ритуал есть то символическое действие, символичность которого скрыта от нас. Ритуал не предмет выбора, не то, что можно сделать или не сделать (например, помолиться или не помолиться перед обедом).

вал. Ночью пока спишь, да-к наплюют в ладошки-то. [А потом?] Да-к потом мойсе на здоровье, хоть продолжай делать чёво, хоть снова спать поди» (Каргополье № 9109). Печку следует чистить потому, что домовый не любит грязи: «[Где живут домовые?] А в основном да-к под печкой. [Под печкой?] Да. Там вот такие подпечки есть, вот печка русская, да, а внизу такой вот подпечек. Во они больше там... и живут. [Их не кормят?] Нет. Они там уж... сами по себе. И особенно они, знаете, любят — вот они живут так, да-к они любят, чтоб хозяйка следила за печкой: белила печку, чтобы пепел там выгребала, чтоб печку не засирала, короче говоря. Они любят, чтоб печка была чистая, ухоженная» (Там же № 4807).

Это то, чего нельзя не сделать. А невозможно не умыться, — иначе ты не человек.

Вернёмся к нашему дезодоранту «Ахе effect». Игра кодов в его мифологии использована в максимальной степени. Само его название отсылает к *axis mundi*, к мировой оси или мировому дереву, которое есть путь на небо, или в мир иной, что одно и то же. «Ахе effect» с латыни можно перевести как «исполнение воли небес», «влияние» или даже «осуществление неба». Причём, как подлинная *axis mundi*, эта ось в своей основе фаллична. Христианские коды в новой мифологии перекодированы. Отныне не мир — метафора фаллоса, а любой товар поднят на небеса и эротизирован в модусе сакрального. Не «истинное блаженство наверху», а «наверх поднять может только сам акт блаженства». «Высшее наслаждение» уже здесь, его не нужно добиваться, а можно только потреблять. Небо осуществлено, путь пройден. «Ахе effect» есть и Дао и искушение, за которое уже не придётся расплачиваться грехопадением. Круг замкнулся: чем человек согрешил, тем и очистился. Запахи, которые предлагает (и без которых немислима) бытовая химия, — запахи иного мира, неземные, или, по крайней мере, запахи платоновского мира идей. Так пахнет сакральное, ведь дезодорант «Ахе» — «с ароматом запретных плодов». Тех самых, из-за которых были прокляты Адам с Евой. Так история заканчивается мифом.

В мифологеме, которая разыгрывается этой рекламой, неизменно присутствует ещё один важный символ: душ-фонтан. Фонтан является источником жизни, символом «живой воды», ведь по-настоящему действенным является очищение в фонтанирующих источниках. Но душ — ещё и родина эротических фантазмов, именно из ванной комнаты они распространяются по цивилизованному миру. Именно и только душ предшествует «безопасному» (чистому) сексу. Ежедневное очищение в душе — ритуальное наследие продуцирующей магии: современный человек обязан находиться в состоянии только что зачатого эмбриона. В нём нет памяти и нет греха (вода из душа — «вода забвения» Ивана Ильича). Однако этот эмбрион с той же частотой, с которой зачинается, последующим очищением «мёртвой водой» абортируется, оскопляется и умерщвляется. Душ — источник, но источник онанирующего духа. Человек в душе из этого рекламного ролика полон эротических фантазмов, однако сам он существует лишь как фантазм трансцендентной онанирующей сущности, который порождается и тут же смывается одним и тем же потоком. Такова драматургия нового мифа о новых сакральных сущностях.